

ОЩУЩЕНИЕ ПОЛЕТА

Молодого актера Горьковского театра драмы Александра Брухацкого свердловчане видели в спектаклях «Сталеваары», «Мера за меру», «Самая счастливая», «Дети солнца» и других.

Сегодня Александр Брухацкий — наш собеседник, правда, воображаемый. К нему мы и обращаем свой «монолог к актеру».

...Вы верите в случай? В стечение обстоятельств, вдруг направившее жизнь вашу по новому руслу, нежданый случай, открывший перед вами неведомый горизонт, манящую перспективу, отбросившую все сомнения в выборе жизненного пути...

Верите? Вам даже приходилось с ним встречаться?

В первый раз он явился зачитанной книжкой из деревенской библиотеки. Кажется, это был Майн Рид. И тогда вы впервые ради книги отказались от дорогой детскому сердцу компаний таких же, как вы, сельских пацанов, звавших в ночное. И тогда впервые пришло ощущение, которое космонавты называют «чувством невесомости». Ни с чем несравнимое ощущение независимости от веса собственного материального тела. Впрочем, нет, кажется, это было еще раньше. Кажется, тогда, когда спелящий огонек вдруг привлек внимание, и вы, остерегаясь, трудно уступая своему любопытству, подошли к комочку пламени, а это была всего-навсего росинка, на которую упал солнечный луч...

Потом случай рукой отца вложил в ваши ладони косу и научил экономному и широкому взмаху, от которого трава плотной бахромой ровно ложится под ноги. А потом... Потом случай сыграл с вами злую шутку. Вы в первый раз пошли в театр. Какой спектакль смотрели — забылось, да это и не важно, просто не случилось то, что должно было случиться, — праздника не слу-

чалось. В театр вы больше школьником не ходили — не хотелось. Откуда же было знать, что пройдет время, и вы сами станете профессиональным актером? А случай продолжал творить свое лукавое ремесло и без спору вмешиваться в вашу жизнь...

И вот однажды он предстал перед вами маленькой, сухонькой, похоже, очень одинокой учительницей русского языка и литературы Ольгой Петровной Верейной, всю жизнь проработавшей, нет, не только и не просто проработавшей, прожившей жизнь в сельской школе. Первое впечатление обмануло. Она совсем, оказывается, не была одинока. А то, что выглядела такой незаметной, очень тихой, так это не от того, что жизнь обошла ее своей милостью. Просто ей очень нужно было, чтобы ученики ее понимали, а в повышенный тон и силу голоса, как в средство достижения этого понимания, она не верила. И ученики ее понимали, и любили, и любят и понимают до сих пор. Потому что трудно не понять человека, когда он добр и чуток, когда он силой своей души пробуждает в тебе душу, живую и беспокойную, душу ищущую.

Потом случай голосом врача медицинской комиссии военного училища (конечно же, — летного!) заметил абитуриенту Брухацкому: «А вы, молодой человек, близоруки. Летчик должен хорошо, очень хорошо видеть!» Близорукий... Как же тут не быть близоруким,

если вы ночами просиживали мальчишкой над книжками у керосиновой подслеповатой лампы — такие светильники тогда называли «гасочками». Электричество пришло в вашу деревню, когда вы уже носили очки «минус». И вот тогда-то Ольга Петровна сказала: «Ну, что ж, в конце концов неважно, где летать, важно — ощущение полета. А это ощущение подвластно человеку в любом деле. Но только, если это дело любимое, если оно лежит в области твоего призвания. Давай-ка, дружок, выучим с тобой басню, прозу и стихотворение и поспуай в театральное училище. Я думаю — призвание твое там. Давно так думаю»...

Может быть, и не совсем так говорила старая учительница, может быть, и вовсе не было такого монолога, но были долгие беседы, были совместные занятия литературой — в общем, важна суть. А суть здесь в том, что один человек помог другому найти себя.

...А потом подкатились дни, несколько дней, когда «все в тумане», как казалось тогда. Помнится только мост на дороге к Горьковскому театральному училищу, куда вы направлялись на первый вступительный экзамен. На мосту — остановка, бесплодная попытка унять постыдную дрожь в коленках, и — бегом, обратном, к родным, у которых остановился. А там вас снова подстерегал случай. На этот раз он превратился в решительную тетю, которая требовала от племянника мужской последовательности: «Решил поступать, так поспуай! Нечего тут!» Что означало это всеобщее — догадаться было нетрудно. И

вы пошли, и неожиданно для себя и для суровой тети без сучка и без заросинки прошли все три тура. А потом, еще студийцем, были приняты в Горьковский орден Трудового Красного Знамени театр драмы имени Горького, ныне уже — академический. И там, на первой репетиции, вдруг снова вас посетило ни с чем несравнимое чувство невесомости. Так это необъяснимое ощущение зовут космонавты. И актеры...

С тех пор прошли годы. Вы сыграли роли Сатина и Бардина, Егора и Алешку в пьесах Горького. И Ричмонда в «Ричарде третьем», и Загорецкого в «Горе от ума», и Курчаева в спектакле «На всякого мудреца довольно простоты», и Луцию в шекспировской «Мера за меру». И много ролей современников молодых людей середины двадцатого века: Егора в «Марии» Сальвинского и Владика в «104 страницах про любовь» Радзинского, Мансура в «Женщина за зеленой дверью» Ибрагимбекова, Андрея в «Самой счастливой» Володарского. А роль Петра Хромова — рабочего-сталеваара в спектакле «Сталеваары» по пьесе Бокарева принесла вам, молодому актеру, звание лауреата премии Горьковского комсомола. Это случилось в прошлом году — первый большой успех.

Ваши герои — разные люди. Веселый, легко находящий общий язык с людьми Петр, ребята, обаятельный человек. Неторопливый, на первый взгляд, недалекий Андрей («Самая счастливая»), но, как оказывается, готовый к сильному и глубокому чувству и при этом — ранимый, взрывной, не способный снести обиду от любимого человека. Хмурый, невежест-

венный Егор («Дети солнца»), пропойца, и в то же время человек, который понял предательство Протасова, отказавшегося пойти к больной холерой жене Егора, чтобы оказать той немедленную помощь. И шекспировский Луцио — ерник, шут, жизнелюбец, с его язвительной иронией, подвижный, находчивый. Как он, бесстрашно рискуя своей свободой, «заводит» Герцога, вызывая в том необходимость скорее вернуться к своим полномочным обязанностям, чтобы восстановить справедливость!

Они очень разные... И все же их особым образом объединяет ваша актерская индивидуальность и ваша актерская позиция, благодаря которым вы в каждом из этих людей сумели отыскать доброту — в каждом из них она проявляется по-своему, но она есть, и это помогает показать их рельефнее, глубже. «Ищи в злом, где он добрый»...

И еще — каждый из них способен действовать... Совершать поступки! Петр решает уйти с родного завода, уступив оскорбленному самолюбию, а потом — уже против того же самолюбия — меняет свое решение. Андрей — не желая быть «пасынком» любви, порывает с горячим любимым человеком. Егор, обманутый в своих ожиданиях Протасовым, поднимает на него руку, хотя это ничего хорошего ему не сулит. Как ничего хорошего не сулит Луцио раздражение, которое он намеренно вызывает у Герцога, тем самым вступая в опасную для себя «зону».

Все это есть в драматургическом материале, эти поступки, эти движения души. В задачу актера входит сделать эти поступки наглядно мотивированными логикой характера, логикой человеческой позиции. Чтобы задачу эту решить, необходима кропотливая, длительная работа, необходимо дарование, необходимо определенным образом найденная актером форма выражения

своей индивидуальности.

А у вас все нет и нет уверенности, что работа удалась. И нередко после окончания спектакля вам думается: «Опять не так... Вот сейчас бы снова сыграть!»... Так и должно быть, это норма — самоуспокоенность, противопоставленная творческому человеку. Вы испытываете чувство доброй зависти к таким актерам, как Лебедев из Ленинградского БДТ, и Джигарханян из Московского театра имени Маяковского. Что ж, это достойные ориентиры для актера современного театра. И так понятна ваша убежденность в том, что главным, определяющим качеством актера должно быть творческое беспокойство, когда, как вы говорите, «обязательно что-то должно колоть внутри»...

А по всему по этому, думается, прав был легкомысленный, беспечный, неугомонный случай, который привел вас в театр, сделал работу актера работой вашей жизни, призванием.

Да полно, был ли это случай? Философы утверждают, что случайность происходит на стыке закономерностей. Судите сами... Деревенское детство, которое рождает чувство близости к природе, а вместе с ним чувство красоты. Постоянный наглядный пример перед глазами — люди, много и нелегко работающие, — пример, который необходимо должен был сформировать чувство уважения к труду, понимание того, что ничего без труда не дается. И книги, книги... Майн Рид и Купер, Грин и Паустовский, а с ними — первые романтические порывы, первое ощущение полета и невесомости. Добрые, внимательные, чуткие люди, такие, как Ольга Петровна, увидевшие в вас правду призвания и устремившие вас к этой правде, отправившие в долгий полет творчества. Так при чем же здесь случай?..

Э. ВЕРИГО.